

КАУФМАН Д. Н. и П. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КАУФМАН Давид Николаевич, родился в 1897. Проживал с семьей в Саратовской области, занимался сельским хозяйством, зимой валял валенки, с 1929 — служитель культа в Камышине. В январе 1931 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Свирский лагерь. В декабре 1933 — освобожден и вернулся на родину. 20 ноября 1934 — арестован, 20 апреля 1935 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Дальлаг (Свободный Дальневосточного края).

КАУФМАН Паулина Мартыновна. Жена Давида Николаевича. Летом 1935 — после осуждения мужа выехала с детьми в немецкую колонию спецпереселенцев в деревне Май-Кудук Карагандинской области.

<29 мая 1935>

«В Комитет Помощи Политзаключенным. Москва.

Е. П. Пешковой.

От политзаключенного
ст<атья> 58-10 Кауфмана
Давида Николаевича.

20 ноября 1934 г<ода> Камышинский НКВД меня арестовал и посадил в И<справительно->Т<рудовое> У<чреждение>. В обвинительном акте было сказано, что я материально обеспеченный, при Советском Правительстве не служивший, получал помощь от фашистских организаций из-за границы.

20 апреля 1935 г<ода> мне был зачитан приговор, согласно которому я осужден 7 апреля с<его> г<ода> Особым Совещанием в Москве на 5 лет концлагеря, которые я должен отбывать в г<ороде> Свободном ДВК.

Обвинение не соответствует действительности, и поэтому прошу Вашего содействия и совета, что мне делать, принимая во внимание нижеследующее:

Я родился в 1897 г<оду> в крестьянской семье в области Немцев Поволжья, где я крестьянином работал до 1921 года. Когда же при нашествии белых банд в 1919 г<оду> хозяйство отца разорилось, я стал с 1921 голодного года заниматься по зимам еще валяньем валенок. Когда же я в 1925 году отделился от отца, то у меня имущества не было никакого, ни двора, ни дома, кроме одной коровы. В 1929 и 30 году я работа два года служителем культа, и в конце 1929 г<оду> во время переселения немцев-колонистов я собрался ехать к шурина в Америку. Разрешения на выезд я не получил, а получил три года концлагеря в Свирских лагерях.

Из лагеря я вернулся в 1933 г<оду> в декабре измученный и больной и к тяжелому труду не способный, но с твердым решением показать себя полезным работником в Сов<етском> Союзе. Но это мне за 11 месяцев пребывания на свободе не удалось. Как лишенца меня на советскую службу не приняли, и я стал у граждан пилить и колоть дрова, возить опилки, заливать калоши и т<ому> п<одобное>. Но семья у меня большая. Имею 6 детей, и старшему из них 14 лет. Жена же больная. При первом отбывании срока семья жила в крайней нужде. Питались травами, ели суслики, и дети ходили по домам собирать милостыни. Все эти переживания и лишения совсем согнули жену, и она стала к труду не способной.

Положение мое было весьма тяжелое. Была зима, запасов не было, заработок только на десятую часть покрывал ежедневные нужды.

В это время немцы Поволжья стали получать из-за границы денежные переводы. В Торгсине были и до сего времени есть рекламы и

объявления, согласно которым каждый вправе получать Торгсинск<ские> товары и продукты, если он напишет своим родственникам и знакомым за границей. Доверяя этим рекламам и объявлениям, я написал в Швейцарию в Лигу Христианства с просьбой поддержать меня немного, как человека больного и с большим семейством. Это с моей стороны, правда, было немного наивно, и, как теперь выяснилось, довольно опасно. Но когда человек материально обеспечен и сыт, когда ему везде покровительствуют, его ласкают, тогда будто не так трудно держать фасон. Но когда человек считает себя униженным и оскорбленным, когда он голоден, как зверь, и рад бы был показать себя с хорошей стороны, да никому он не нужен, везде он окажется лишним, тогда уж много труднее будет соблюдать правила хорошего тона.

Я всего три раза получал денежные переводы из Швейцарии, причем, третий раз вся сумма на 3 руб<ля> 16 коп<еек> золотом была отнята у меня Камышинским НКВД при аресте. Но в чью пользу они пошли, это мне осталось секретом.

Если я за свой поступок действительно заслужил 5 лет наказания перед Сов<етским> Союзом, то я убедительно прошу Вашего содействия, чтобы мне концлагерь заменили таким образом, чтобы я мог взять на свое попечение больную жену и бедных, так много уже перестрадавших детей.

Временно нахожусь в И<справительно->Т<рудовом> У<чреждении> гор<ода> Балашова, куда я прибыл этапом 18 мая из гор<ода> Камышина. Следую в г<ород> Свободный Дальне-Восточного края.

29 мая 1935 г<ода>.

К сему Кауфман Д. Н.

Адрес жены: г<ород> Камышин Сталингр<адского> Кр<ая>. Спартакoвская ул<ица>, 34, кв. Геффеле. Кауфман П. М.»¹

На письме — помета рукой М. Л. Винавера:

«Жене 30 р<ублей> в счет духовенства. М.В.»

Осенью 1935 — Паулина Мартыновна с детьми, оставшаяся без кормильца, переехала на жительство в немецкую колонию в деревне Май-Кудук Карагандинской области. В январе-августе 1936 — Паулина Мартыновна и дочь Виктория просили ходатайства Помполита о соединении семьи с отцом. Писали они на немецком языке, но одно заявление в Особое совещание НКВД написано от лица Паулины Мартыновны на русском, и только приписка — на немецком.

<28 июня 1936>

«Москва.

Особому совещанию НКВД

от Кауфман Паулины Мартыновны,
жены з<аключенного> по ст<атье>
58-10 Кауфман Давида Николаевича

Заявление.

Настоящим хочу поставить НКВД в известность о том тяжелом положении, в каком я нахожусь в результате постановления НКВД от 7 апреля 1935 г<ода> по делу моего мужа. И хочу попросить НКВД о пересмотре его дела с целью изменения его приговора в той плоскости, чтобы я могла понести наказание совместно с мужем. Ибо имею на своем иждивении 5 детей, из которых старшему 15 лет, и я более не в силах видеть, как мои дети постепенно и определенно идут навстречу голодной

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1333. С. 29-30. Автограф.

смерти. Я убеждена, что Советские законы настолько гуманны, что они никогда не могут допустить, чтобы в результате наказания отца было бы уничтожено целое семейство из больной матери с 6-ю детьми. И я убеждена, что НКВД, если это требует момент, всегда сумеет связать наказание с целесообразным и полезным.

Мой муж имеет по постановлению НКВД от 7-го апреля 1935 г<ода> 5 лет концлагерей, которые он отбывает в Дальлаге НКВД, Уссурийская ж<елезная> д<орога>, ст<анция> Розенгартовка. И я прошу либо отправить меня с детьми для колонизации на Дальний восток к мужу, хотя бы на рыбные промыслы, либо перевести его в спецколонию г<орода> Караганда. Я нахожусь с октября месяца 1935 г<ода> в 5 км от Караганды, д<еревня> Май-Кудук № 16.

Необходимо еще заметить, что я тяжелому труду не способна, так как имела уже не менее 9 родов, притом, один раз родила близнецов. Хочу только вкратце остановиться на биографии моего мужа. Наша родина – АССР Немцев Поволжья, где проживали до ареста моего мужа. Мой муж, Кауфман Давид Николаевич, происходит из крестьянской семьи, имевшей до 1918 г<ода> 2-3 пары лошади, 2-3 пары быков и столько же коров. Имея среднее образование, мой муж был в первые годы революции школьным учителем, а наше главное занятие было сельское хозяйство. В 1925 году мы были отделены от отца, причем, не получили ни дома, ни рабочего скота, и все наше богатство состояло в одной корове. Из-за своих религиозных убеждений мой муж ради совести не стал более преподавать в школе. И в 1929 году стал обслуживать общество верующих. В январе 1931 г<ода> он был арестован и осужден на 3 г<ода> лагерей за наше намерение еще в 1929 г<оду> ехать в Америку. Единственное наше богатство, корова, была уведена, и какие лишения я переносила за период с 1931 по 1933 г<од>, трудно поддается описанию. Лишь в 1933 г<оду> я обратилась в высший церковный совет в Москве за помощью, и в декабре 1933 г<ода> как раз к возвращению мужа из лагерей мне было прислано в Торгсин г<орода> Камышина 8 Германских марок из Швейцарии. Мы вначале не могли подозревать, насколько губительно это было для нас, тем более, что марки были присланы официально и в Торгсин. И мой муж сообщил отправителю денег о получении их и отблагодарил. После этого еще несколько переводов прибыли из Швейцарии по 8 марок. Муж мой вернулся из лагеря больной. У него в весьма сильной форме порок сердца, и, кроме того, он был с поврежденной ногою, поэтому до лета 1934 г<ода> работать не мог, и мы очень были рады хоть на время быть избавленными от этого страшного голода, который так долго преследовал нас. Так как муж был работником лишь на 50% и определенной работы найти не мог, он стал наниматься распиловщиком дров у частных граждан и по временам грузил вагоны на лесопильном заводе. В ноябре 1934 г<ода> он опять был арестован Камышинским НКВД, как не имевший определенного занятия и обвинен в получении помощи от фашистских организаций из Швейцарии и, будто бы он дал адрес какому-то гражданину для письма в Швейцарию за помощью, что, однако, не соответствует действительности. После отправки мужа я продала последние манатки, покинула родной край и кое-как добралась до Караганды, где поселилась в колонии спецпереселенцев (Май Кудук, № 16). Но я не учитывала, что для прокормления 6 детей в такой пустыне, как Карагандинская Область, нужны совсем другие силы, а не силы больной женщины. И проедав последние остатки, мы начали голодать. И, несмотря на все старания работать и прокормиться, наш младший ребенок уже погиб. Теперь очередь за остальными. И если НКВД не окажет нам помощь, то через короткий срок мы все верно и определенно должны погибнуть. Трое старших детей учились зимою в Сов<етской> школе в Май-Кудуке и

показывали познания на хорошо и отлично. Неужели мы не можем дать никакой пользы Советскому Союзу и должны погибнуть из-за того, что не родились в бедняцкой семье и из-за нашего недопонимания всей важности пролетарской политики. Мы не требуем для себя особых привилегий, а лишь просим снисхождения, просим дать нам возможность показать совместно с мужем, что это снисхождение не истратилось на недостойных.

Итак, прошу, умоляю не отказать!

Караганда.

28/VI-1936.

Кауфман П.

г<ород> Караганда д<еревня> Май-Кудук № 16

Кауфман Паулина Мартыновна.

Liebe Frau Peshkova seien Sie bitte so freundlich und tun Sie diese Sache befördern und Wissen lassen was wir werner hin zutun haben.

Mit vorausdankbarem Grup².

Pauline Kaufmann»³.

На письме — помета:

«Об<ратиться> через адм<инистрацию> лаг<еря>».

В сентябре 1936 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его дочь, Виктория Кауфман (письмо на немецком языке, адреса — на русском). В ноябре 1936 — заведующий юридическим отделом Помполита ответил Виктории Кауфман.

<20 ноября 1936>

«Виктории КАУФМАН

В ответ на В<аше> письмо сообщаю, что для ходатайства о досрочном освобождении В<ашего> отца, Д. Н. КАУФМАНА, ввиду тяжелого семейного положения, Вы можете послать заявление непосредственно в Ком<иссию> Частн<ых> Амнист<ий> при ЦИК'е СССР (Москва, ул<ица> Серафимовича, 2).

Целесообразно, чтобы В<аш> отец предварительно послал в ЦИК личное заявление через администрацию к<онцентрационного> лагеря.

В своем заявлении Вам полезно будет указать, когда послано личное заявление В<ашего> отца.

Мы оказать содействие не имеем возможности»⁴.

² Дорогая фрау Пешкова, будьте, пожалуйста, добры передать это заявление в... и ... С благодарностью ? Паулина Кауфман.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1484. С. 352-354. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1568. С. 262. Машинопись.